

Женские награды в России: исследование по социологии наградного дела

Александр Малинкин

Около 300 лет (с 1714 по 1995 гг.) в Российском государстве существовали особые *женские* награды. Что это были за награды, и почему они предназначались только для женщин? Каков был их символический смысл, и к каким свойствам женской природы они прежде всего апеллировали? Предполагало ли разделение наград на мужские и женские дискриминацию по половому признаку, было ли оно следствием мужского шовинизма – ведь учреждали-то их главным образом мужчины? На все эти вопросы мы попытаемся ответить, вступив на исследовательский путь, проходящий на стыке фалеристики, исторической социологии и социологии знания. Это новое направление социологического поиска мы предлагаем назвать *социологией наградного дела*.

О социологии наградного дела

Пионерным исследованием по социологии наградного дела можно считать первую книгу Питирима Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали», вышедшую в 1914 г. и переизданную в 1999 г. Первая мировая война и Октябрьская революция отбросили Россию в культурном отношении далеко назад. О книге прочно забыли. Тем не менее, это исследование заложило фундамент изучения награды как социального явления в российской социологической традиции. Тот факт, что П. Сорокин обедняет и суживает содержание социологического понятия награды, рассматривая ее в бихевиористской парадигме «стимул-реакция», не умаляет его главной заслуги – применения социологической исследовательской методологии к новому пласту социальной реальности. Забегая вперед, отметим: наш подход существенно отличается от сорокинского как в предметном, так и в теоретико-методологическом отношении.

Когда Сорокин приступил к изучению наградной темы, он столкнулся со странной ситуацией, которая, по его мнению, «может служить любопытной иллюстрацией» «курьезов» научной мысли». «Этот курьез, – пишет он, – в данном случае заключается в том, что, в то время как один разряд фактов социальной жизни (преступления – наказания) обратил на себя исключительное внимание научной мысли, – другой разряд фактов, не менее важных и играющих не меньшую социальную роль, почти совершенно игнорируется той же научной мыслью. Мы говорим о «подвигах и наградах». Преступления и наказания служат и служили до сих пор единственным объектом исследования представителей общественных наук и теоретиков уголовного права. Подвиги же и награды – как совершенно равноправная категория, как громадный разряд социальных явлений – огромному большинству юристов и социологов даже и неизвестны. В то время как наука о преступлении и наказании – уголовное право – выросла до громадных размеров и получила характер гипертрофический, наука о подвигах и наградах или, если угодно, – наградное право, – даже и не значится в числе научных дисциплин» (Сорокин, 1999: 117).

Отметим, что если в сфере наградного права с тех пор и произошли какие-то подвижки, в области социологии наградного дела ситуация с 1914 г. не изменилась.

Хотя существует много исторических, в том числе фалеристических, исследований о наградах, публикаций по социологии наградного дела, поднимающихся на теоретический уровень, в нашей стране до сих пор не было. Наверное, такая ситуация сложилась под влиянием двух основных факторов. Во-первых, в годы советской власти наградная тема была окутана ореолом сакральности. Верхи и их цензура не допускали публичного вскрытия той части механизма функционирования власти, которая отвечала за награждения. К тому же советский человек по идеологическому определению не должен был проявлять чрезмерный интерес к таким вещам, как награды, иначе можно было подумать, что светлое будущее он строит не бескорыстно. Во-вторых, те немногие специалисты по фалеристике, чаще всего историки, проявляющие в последние годы интерес к социологическому аспекту наградного дела, не в состоянии исследовать его адекватно, поскольку не владеют социологической терминологией и методологией. Социологи же в большинстве своем не владеют специальным историческим материалом, знают о фалеристике понаслышке, а то и вовсе ничего о ней не знают.

Публикации последних лет, хотя и не являются социологическими изысканиями, содержат богатый исторический материал. Сегодня постепенно приходит понимание того, что фалеристика тесно связана с социологией, а для осмысления добытого ею обширного фактического материала не обойтись также без философии. «Фалеристика как вспомогательная историческая дисциплина, опирающаяся на наградной комплекс исторических источников, связана и с *источниковедением, философией, социологией* и другими науками, так как данный комплекс источников важен для изучения политической истории, истории идеологии, религии, политической мысли общества и т. д.», – пишет В.Г. Бурков (Бурков, 2000: 25). Связь фалеристики с философией и социологией с необходимостью ставит вопрос о понятии награды как социального феномена, разработке всего комплекса проблем социологии наградного дела. «Зияющие пустоты», вызванные недоработками общественности в этой области, более чем очевидны.

Если П. Сорокин считал предметом своего исследования основные формы общественного поведения и морали, то предмет социологии наградного дела, на наш взгляд, – наградная система. Социология наградного дела исследует все многообразие социальных отношений, возникающих в связи с развитием и функционированием наградных систем, а также социальные институты награждения (государственные, общественные, корпоративные, социально-групповые и т. д.). Эта отрасль социологии имеет различные аспекты: исторический (социологические особенности возникновения, формирования и развития наградных систем), структурно-функциональный (социологические особенности легальной организации наградных систем и реальной практики награждений), национальный (национальные традиции в истории наградного дела и практике награждений) и интернациональный (исследование международных, региональных и глобальных наградных систем). Социология наградного дела опирается главным образом на эмпирический архивный материал: законодательные акты, формировавшие наградные системы, статуты наград, наградные акты, статистику награждений, реально-исторические примеры награждений и т. д.

Социология награды – центральная социально-философская часть социологии наградного дела. Ее предмет – награда как социальный феномен. Она рассматривает сущность награды, ее социальные функции и основные формы. Объем понятия награды чрезвычайно широк. Если отталкиваться от исторической практики награждений, то можно прийти к выводу: наградой может быть все (и в действительности было почти все), что имеет особую материальную, моральную и иную ценность в данном обществе в данное время. Вот, к примеру, перечень того, что считалось государственной наградой Российской империи к 1896 г. согласно «Уставу о службе по определению от правительства»: «Жалуемые за отличия высочайшие награды суть: 1) объявление Высочайших Его Императорского Величества благодарности и благоволения; 2) чины; 3) ордена; 4) назначение аренд; 5) подарки от

Высочайшего Его Императорского Величества Имени; 6) единовременные денежные выдачи; 7) звания личного и потомственного дворянства; 8) медали; 9) кафтаны; 10) зачет в действительную государственную службу времени, проведенного в частных занятиях в правительственных и общественных установлениях, а равно времени состояния на государственной службе без права на чинопроизводство; 11) предоставление прав государственной службы лицам, этими правами не пользующимся, и 12) несчитание судимости препятствием к наградам и другим преимуществам по службе» (цит. по: Кузнецов, 2001: 10). В практике награждений обычно комбинировались различные виды наград.

Награда в социологическом смысле – это специализированный социальный символ. Основные сущностные функции награды имеют социобиологическую природу и воспроизводятся в любом социуме, поскольку конституируют социальность как таковую. Все их многообразие можно свести, на наш взгляд, к трем функциям: 1) *социально-интегративной*, или функции включенности в данный социум и подтверждения лояльности (верности) правящей в нем власти; 2) *социально-дифференцирующей*, или функции фиксации достигнутого общественного статуса (места в социальной иерархии); 3) *социально-коммуникативной*, или функции средства общения в социуме и пропаганды социально-значимых смыслов (Малинкин, 2002). В отличие от других социальных символов – а к ним может быть отнесена в силу определенных обстоятельств любая вещь – награда является не просто символом, но *символом символа*. Награда концентрирует в себе символический капитал, содержит потенциал социального действия, способный мобилизовать энергию как элит, так и народных масс. Если речь идет о государственной награде, то она символизирует прежде всего чувства, представления и идеи, значимые для государства, его политической идеологии и политики. Поэтому она может быть эффективным инструментом политической власти и господства, средством управления и направления деятельности граждан.

Так как награда вбирает в себя сложнейший комплекс социально-значимых смыслов, для выполнения функции символизации ей самой требуется отчужденная форма, лишенная всякого утилитарного предназначения, – форма эстетически совершенного знака. Вот почему общее социологическое понятие награды включает в себя как ядровой элемент понятие наградного знака, или наградного знака отличия. Важнейшей составной частью последнего является фалероним. Когда речь заходит о «награде», которую можно увидеть, взять в руки, потрогать пальцами, то чаще всего имеют в виду как раз наградные знаки отличия, а среди них, в первую очередь, фалеронимы¹ – ордена, медали, кресты, звезды, значки и т. п. Таким образом, следует различать, по крайней мере, три значения общепотребительного слова «награда»: 1) собственно награда как социальный феномен; 2) наградной знак, или наградной знак отличия; 3) фалероним. По сравнению с макроскопической «оптикой» социологии наградного дела, исследование награды как социального феномена можно назвать микроскопическим. Его объектами становятся отдельные составные элементы награды: гербы, вензеля, эмблемы, символы, формы, цвета и т. д. – в их многообразном, но всегда индивидуализированном сочетании, которые представлены на лентах, знаменах, флагах, штандартах, наградном холодном и огнестрельном оружии, изображены на фалеронимах (орденах, медалях, знаках отличия, орденских звездах и т. д.) или их заместителях (фрачных копиях, лентах на планках, копиях для повседневного ношения и т. п.) Между тем, не меньшей социальной значимостью обладают наградные документы, церемония вручения, гражданские ритуалы и церемонии ношения, хранения, передачи наград.

Например, в советской наградной системе награда включала (помимо наградного знака отличия) официальные наградные акты, в большинстве своем хранящиеся в архивах. Это Указы Президиума Верховного Совета СССР, ходатайства о награждении, пред-

¹ Термин «фалероним» был введен в обращение в 1973 году лингвистом А.В.Суперанской (Суперанская, 1973). Корень слова «фалера» происходит от греческого *walara* и латинского *phalerae*: «большая медаль», «бляха».

ставления, списки представленных к награждению, наградные листы, списки награжденных, временные удостоверения к ордену или медали², различные извещения, опубликованные в печати, фотографии и т. д.; наградные документы, удостоверяющие факт награждения и вручаемые награжденному (большая и малая грамоты для высших степеней отличия, орденская книжка, удостоверение к медали, грамота, удостоверяющая награждение медалью); общественные привилегии и льготы, оговариваемые в законодательно утвержденных статутах наград (книжка купонов на право получения ежемесячных выплат к каждому ордену и одна книжка разовых билетов на право бесплатного проезда по железнодорожным и водным путям сообщения); другие документы, удостоверения, справки, подтверждающие право пользования общественными привилегиями и льготами (например, купоны на право бесплатного проезда в трамвае во всех городах СССР). Наиболее весомые общественные привилегии и льготы были предусмотрены для награжденных орденами. Многие из них были отменены указами ПВС СССР. Так, Указ от 10 сентября 1947 г отменял денежные выплаты, право бесплатного проезда в трамвае во всех городах СССР для награжденных орденами и медалями, право бесплатного проезда по железнодорожным и водным путям сообщения и льготный порядок оплаты жилой площади в домах местных Советов для награжденных орденами СССР (Шишков, 2000: 329).

Что касается исследовательских методов, то в социологии наградного дела, как и в большинстве других областей социального познания, применимы любые методы, адекватные предмету, – как количественные (например, анализ наградной статистики во всех ее разновидностях), так и качественные (например, интервью с награжденными; изучение автобиографий, мемуаров, воспоминаний о том, как был совершен поступок, удостоенный позднее награды; личных документов награжденных и т. д.), смысловая интерпретация языковых (текстовых) и изобразительных символов. Комплексное исследование, сочетающее в себе различные методы и техники, обладает явными преимуществами, однако, на наш взгляд, не всегда уместно или возможно.

Социология наградного дела как дисциплина теснее всего связана с социальной, моральной и политической философией, социальной историей, социальной и культурной антропологией, политологией, культурологией, социознанием, социобиологией (социоэтологией). В узкоотраслевом плане к ней ближе всего историческая социология, социология знания, социология морали, социология права, социальная семиотика, социология войны, социология организации. Своеобразие теоретического и эмпирического исследований в области наградного дела (и не только в ней), во многом определяется тяготением социолога к тем или иным философско-социологическим традициям, школам. Результаты исследований одного и того предмета могут различаться в зависимости от того, в какой парадигме социолог работает.

Женские награды в Российской империи

Наградная система Российской империи, основанная в начале XVIII в. Петром I, была неотъемлемой и важнейшей частью государственной службы. Она теснейшим образом увязывалась с введенной Петром I «Табелью о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каждом классе чины». Этот документ лег в основу всей системы чиновничества и воинской службы Российской империи, хотя и постоянно корректировался вплоть до 1917 г. Его особенностью была определенная последовательность строго определенного круга государственных наград, на что могли претендовать только лица определенного возраста, пола, национальности (этнической принадлежности), вероисповедания, сословия и чина. И, наоборот, пожалование той или иной государственной награды (например, в военное время) открывало новые перспективы для карьерного роста, поскольку давало возможность претендовать на получение личного или потомственного дворянства, более высокого чина и места в общественной иерархии. Не будет

² Подлежавшие обмену на наградные документы.

преувеличением сказать, что наградная система Российской империи функционировала как подсистема государственно-бюрократической. Ее главной целью было моральное и материальное стимулирование верноподданнического служения лично императору, государству и всему феодально-чиновничьему общественному строю. Разумеется, защита Российского государства и его интересов в военное время преподносилась правящими дворянскими кругами как исполнение долга перед народом и обществом. Между тем, такие лозунги российской власти, как «Православие, самодержавие, народность» (выдвинут еще Николаем I), «За Веру, Царя и Отечество», дают представление о ранговом порядке в ценностных приоритетах официальной государственной идеологии.

Наибольшие преимущества наградная система Российской империи предоставляла мужчинам, обычно в возрасте старше 25 лет, русским, православным, дворянам, состоящим на военной службе. Именно они образовывали элиту общества, являясь ценностным образцом-моделью для подражания. Представители остальных социальных групп, или меньшинств, составляли периферию, стремящуюся к центру. Особенно велико было стремление с помощью наград получить личное, а лучше потомственное дворянство. Это не удивительно в монархическом феодальном государстве – ведь только принадлежность к дворянскому сословию давала право владеть крепостными крестьянами.

Статуты некоторых медалей, знаков отличия, орденов предъявляли к их соискателям особо строгие требования, формируя и воспроизводя элитное ядро внутри самой элиты. Например, согласно первоначальному (петровскому) статуту кавалерами ордена св. Андрея Первозванного могли стать только те, кто обладал графским или княжеским титулом, званием сенатора, министра, посла и «прочими высокими достоинствами», либо генеральским или адмиральским чином. Орден могли получить также и губернаторы, которые «несколько лет, а по меньшей мере десять, оказали полезные и верные услуги». Кроме того, неперенным условием был возраст не менее 25 лет, наличие состояния, необходимого для того, чтобы «важность сего события поддержать» и отсутствие у кавалера телесных недостатков (Дуров, 1993: 15).

Из сказанного ясно, что женщины не имели в Российской империи равных прав с мужчинами на получение государственных наград³. Вероятно, именно женщины составляли самую многочисленную из ограниченных в правах на награды групп. Женщины не могли служить в войсках регулярной армии, а их возможности состоять на гражданской государственной службе были весьма ограничены. Правда, перед ними были открыты возможности служения на общественном поприще. Тем не менее, хотя женщины в Российской империи не могли претендовать на получение наград, которые были предусмотрены для мужчин, для них учреждались специальные «женские» медали, знаки отличия и ордена, которые учитывали их общественную активность. В этом отношении принадлежность к женскому полу ничем не отличалась от принадлежности к той или иной группе меньшинств, образуемой по возрастному, этнонациональному, конфессиональному, сословно-классовому и иному признаку. Особые награды существовали не только для женщин, но и для казаков, крестьян, мещан, купцов, фабрикантов и т.д., для разных этнических и конфессиональных групп, например, «иноверцев», «разных азиатцев» (или просто «азиатцев»), чукчей, «киргизских правителей» и т.д.

По нашим подсчетам, в Российской империи было одиннадцать наиболее известных женских наград. По большей части это государственные, но также общественные награды: 1) орден св. Екатерины (двух степеней) (1714), 2) Мариинский знак отличия двух степеней (1828), 3) медаль «Для сестер милосердия в Крыму» (1854-1856), 4) медаль

³ Исключения из этого правила, конечно, бывали. Одним из примеров является первая награда Крымской войны – медаль «За защиту Севастополя», учрежденная указом Александра II 26 ноября 1855 г. Ею награждались все жители Севастополя, которые несли службу в госпиталях и вообще участвовали в обороне города от неприятеля. В частности, тремя медалями за Севастополь была награждена А.С. Тулузакова. Другой пример – награждения женщин-сестер милосердия чисто «мужскими» медалями «За храбрость» во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (см. ниже).

«Для сестер Крестовоздвиженской общины в Крыму» (1854-1856), 5) медаль «Для сестер Крестовоздвиженской общины в Финляндии с 1854 по 1856 гг.», 6) знак отличия Красного Креста двух степеней (1878), 7) знак Красного Креста (1879)⁴, 8) знак Красного Креста (1899)⁵, 9) наградной знак Елизаветинской общины сестер милосердия Российского Общества Красного Креста (ок.1900)⁶, 10) медаль Флоренс Найтингейл (с 1912), 11) знак отличия св. Ольги трех степеней (1914).

Анализ историй учреждения и целевого назначения женских наград позволяет сделать выводы о том, как власти Российской империи во главе с династией Романовых на протяжении 300 лет представляли себе место и роль женщин как граждан государства.

1. Орден св. Екатерины был учрежден Петром I 24 ноября 1714 г. после неудачного так называемого Прутского похода против турок 1711 г. Тогда русские войска, насчитывавшие 38 тысяч человек, были окружены 188-тысячной турецкой армией. Полного разгрома русской армии удалось избежать только благодаря искусным дипломатическим переговорам и подкупу турецких военачальников. По преданию, жена царя Екатерина, находившаяся вместе с ним в походе, по собственной инициативе отдала все драгоценности, которые захватила с собой, для подкупа турецких послов. Правда, накануне переговоров окруженная русская армия дала туркам настолько сильный отпор, что на следующий день лучшая часть турецкой армии – янычары – отказалась возобновить штурм русского лагеря. После заключения перемирия с турками, почетного для русских в их положении, – а в его достижении, очевидно, не последнюю роль сыграл поступок Екатерины – к турецкому визирю Мехмет-паше, командовавшему армией Порты, прискакал разъяренный Карл XII, чтобы убедить его не выпускать русских из окружения. На это визирь ответил, «что ты де их (русских) уже отведаль, а и мы их видели, и буде хочешь, атакуй их своими людьми», а он «мира с ними постановленного не нарушит». В тот же день русская армия покинула свой лагерь (Дуров, 1993: 146-147).

Позднее, в 1713 г., в память об этом событии и в ознаменование достойного поведения Екатерины в несчастливом Прутском походе был разработан статут нового ордена. Первоначально он назывался орденом Освобождения («Свобождения») и предназначался в награду лишь Екатерине. 24 ноября 1714 г. в день своего тезоименитства, она получила эту награду из рук самого Петра. Девизом ордена стали слова «За любовь и Отечество». С момента основания ордена его главой становилась царица (позднее императрица). Орден имел две степени. Согласно первоначальному статуту ордена, кроме царицы, знаки ордена Большого креста – высшей степени – имели право носить принцессы царской (императорской) крови, «сколько есть», а также еще не более 12 других дам. Знаки Малого креста – второй степени, получившей позднее название «орден святой Великомученицы Екатерины», – могли получить не более 94 дам (Дуров, 1993: 147).

При жизни Петра I никто, кроме Екатерины, не был удостоен этой награды. При царствовании Екатерины I было выдано 7 орденов, при Елизавете Петровне – 13, при Екатерине II – 41. В последующие годы число награжденных росло. При Александре I орден получили 139 дам, при Николае I – 176. Во время правления Александра II высшую женскую награду Российской империи заслужили 112 дам, при Александре III – 64, при Николае II – 105. Всего этой наградой были пожалованы 734 высокопоставленные особы женского пола (Дуров, 1993: 150). «Не обошлось и без курьеза, – пишет В.А. Дуров. – Дамской наградой был отмечен малолетний сын известного А.Д. Меньшикова – Александр. Он получил орден 5 февраля 1727 г. за слишком застенчивый, «женский» характер и был включен в официальный список награжденных этим орденом» (Дуров, 1993: 150).

2. Мариинский наградной знак отличия двух степеней был учрежден 14 октября 1828 г. «в память дня рождения в Бозе почивающей Государыни Императрицы Марии Федоровны» (жены Павла I, матери императора Николая I). Он был «установлен в награду лицам

⁴ Выдавался лицам обоего пола.

⁵ Выдавался лицам обоего пола.

⁶ Выдавался лицам обоего пола.

женского пола за долговременное рачительное исполнение обязанностей». В статье 639 Свода законов Российской империи говорилось: «*Мариинского знака отличия беспорочной службы удостоиваются все исправляющие свою должность с непрерывной, соответствующей важности оной, точностью в званиях Классных Дам, Учительниц, Смотрительниц, Частных, Первых и Главных Надзирательниц, Инспектрис, Директрис и Начальниц в одном или нескольких заведений, состоящих под непосредственным покровительством в Бозе почившей Императрицы Марии Федоровны. К знаку второй степени представляются служившие в одном или нескольких из вышеозначенных званий пятнадцать лет или более до двадцати пяти. Знак первой степени получают служившие двадцать пять лет и более*» (Цит. по Кузнецов, 2001: 23).

На более позднюю редакцию статута Мариинского знака ссылается Н.И. Чепурнов. Эта редакция интересна тем, что дает достаточно полный перечень женских профессий, должностей и званий в благотворительных учреждениях ведомства Марии Федоровны. Только дамы, работавшие в них на этих должностях и в этих званиях, могли претендовать на получение знака, приравненного к выслужной награде за государственную гражданскую службу. «Знак установлен, – пишет Чепурнов, – в награду лицам женского пола за *долголетнее (не менее 15 лет) рачительное исполнение обязанностей* в званиях или должностях: почетных попечительниц и блюстительниц, председательниц, вице-председательниц и их помощниц, начальниц и настоятельниц и их помощниц, инспектрис, главных и старших надзирательниц и их помощниц, воспитательниц и их помощниц, классных дам, надзирательниц и наставниц, помощниц наставниц, преподавательниц и учительниц, наставниц по хозяйственной части, музыкальных дам, окружных надзирательниц Императорских воспитательных домов, ...сестер милосердия, женщин-врачей, ...главных и старших повивальных бабок...» (Чепурнов, 2000: 297–298). В статуте знака подчеркивается, что «служба по вольному найму на выслугу Мариинского знака в зачет не принимается» (Чепурнов, 2000: 298).

После смерти Марии Федоровны в 1828 г. все учреждения ее «ведомства», составлявшие целую систему благотворительных заведений (больницы, богадельни, приюты, некоторые учебные заведения вплоть до института благородных девиц) и управлявшиеся ею лично с конца XVIII в., были переданы в «Специальную е.и.в. канцелярию специально учрежденное IV отделение ее». В 1880 г. это «Мариинское ведомство» выделилось в самостоятельную институцию – «Собственную е.и.в. канцелярию по учреждениям императрицы Марии» (Чепурнов, 2000: 299).

Представление специальным советом к Мариинскому знаку утверждалось самим императором. Знак никогда не снимался, как и орден Святого Георгия или Святого Владимира, и платил за него самой награждаемой не приходилось: знак жаловался императором и выдавался Капитулом бесплатно. Дозволялось изображать его на фамильных гербах и печатях. Удостоенным знака начислялась пенсия сверх жалования, которая выплачивалась «по день смерти», и если награжденная была замужем, то после ее кончины «муж ее и дети пользуются сею пенсией один год» (Чепурнов, 2000: 298).

3. Медаль «Для сестер милосердия в Крыму» (1854–1856) предназначалась для женщин, работавших в Крыму во время Крымской кампании с 1854 по 1856 гг. по велению Ее Императорского Величества Государыни Александры Федоровны» (жены Николая I). Награда была установлена для женщин, «*которые несли службу в госпиталях или во время обороны Севастополя оказали особые услуги*» (Кузнецов, 2001: 115). Сестры милосердия получали бронзовые и серебряные медали с надписью «Крым 1854–1855–1856». Серебряными медалями награждали также за *самоотверженность жен, матерей и сестер матросов, защищавших город, женщин, которые под смертельным огнем противника доставляли на бастионы воду, хлеб, патроны и снаряды*. Одну такую медаль по повелению императрицы Александры Федоровны отчеканили из золота для знаменитой Даши Севастопольской (Дарьи Ткач). «Дочь простого матроса, – пишет Чепурнов, – она еще перед сражением на реке Альме продала весь свой скарб, оставшийся от покойной матери, собрала все, что могло пригодиться для перевязки раненых, оделась в матросские брюки и куртку и отправилась за русской армией, сказав соседям: «А чего бояться! Ведь

не дурное дело задумала. А убьют меня – добрым словом люди помянут». В пылу боя при Альме она на своей повозке организовала первый перевязочный пункт, и долго потом вспоминали солдаты красивого «паренька», который под огнем неприятеля оказывал помощь пострадавшим бойцам» (Чепурнов, 2000: 392).

4. Медаль «Для сестер Крестовоздвиженской общины в Крыму» (1854-1856), изготовлявшаяся из бронзы и серебра, предназначалась только для награждения сестер милосердия, работавших в Крыму с 1854 по 1856 гг. Она была установлена «От Ее Императорского Величества Великой Княгини Елены Павловны» (вдовы Великого Князя Михаила Павловича, который был младшим братом императора Александра I и Николая I) «*в память милосердного служения страждущей братии*». Во время Крымской кампании деятельность сестер милосердия Крестовоздвиженской общины, которая была основана на личные средства Елены Павловны, сыграла важнейшую роль в спасении защитников Севастополя. Община работала в Крыму под руководством Н.И. Пирогова – знаменитого специалиста по полевой хирургии. Впервые в мировой истории сестры этой общины были посланы на театр военных действий для помощи раненым воинам. Всего действовало 9 отрядов из 120 человек во главе с сестрой-настоятельницей Анной Павловной Стахович. При исполнении своих обязанностей умерли 17 медсестер.

В Крымской войне принимали участие более 250 сестер милосердия. Среди них были представительницы знаменитых фамилий, например, внучатая племянница фельдмаршала М.И. Кутузова, сестра погибшего в Тегеране посла А.С. Грибоедова баронесса Екатерина Будберг и другие.

5. Медаль «Для сестер Крестовоздвиженской общины в Финляндии с 1854 по 1856 гг.» предназначалась для сестер милосердия Крестовоздвиженской общины, которые во время Крымской кампании *работали в госпиталях на территории Финляндии* (Чепурнов, 2000: 394).

6. Знак отличия Красного Креста был учрежден в день подписания мирного договора с Турцией в Сан-Стефано 19 февраля 1878 г. Высшая степень знака в форме медали изготовлялась из золота, вторая – из серебра. Согласно статье 648 «Свода Законов Российской Империи», знак предназначался «...в награду особам женского пола, которые посвятив себя попечению о раненых и больных воинах, своею деятельностью и рвением на сем поприще оказывают особенные заслуги и известны при том своими высокими нравственными качествами» (Цит. по Чепурнов, 2000: 475). Вначале знак планировался как Знак ордена св. Екатерины, который, в отличие от самого ордена, должен был использоваться для награждения женщин из средних и низших слоев общества. Но при окончательном утверждении устава был назван «Знаком отличия Красного Креста».

Такого знака были удостоены несколько сот участниц Русско-турецкой войны 1877-1878 годов, в том числе первой степени – 71 человек. В этой войне принимали участие более 1000 сестер милосердия, их называли «солдатами здоровья» — они разделяли с мужчинами-воинами все тяготы фронтовой жизни и часто погибали, как солдаты. Некоторые из них кроме знака отличия Красного Креста, были награждены «особыми серебряными медалями «За храбрость» (Чепурнов, 2000: 476).

7. Знак Красного Креста был учрежден 28 августа 1879 г. приказом по военному ведомству. Он предназначался для награждения лиц обоего пола, «...кои во время войны против турок в 1877–1878 годах принимали участие в деятельности Общества попечения о раненых и больных воинах... или личным служением или материальным содействием» (Цит. по: Чепурнов, 2000: 476). Знак Красного Креста за те же заслуги и имевший такой же статут был предназначен для награждения лиц нехристианского вероисповедания: в нем вместо красного эмалевого креста, расположенного внутри овално сложеной формы, помещен многоугольник с датами «1877–1878» (Чепурнов, 2000: 476–477)⁷.

⁷ Надо отметить, что обычным для практики награждений в Российской империи было изготовление специальных наград для лиц нехристианского вероисповедания, в которых традиционная православная символика отсутствовала либо она заменялась на символику, свойственную иным конфессиям.

8. Знак Красного Креста, учрежденный 24 июня 1899 г., вступил в действие согласно приказу военного ведомства в 1900 г. Его полное название «Знак Российского Общества Красного Креста». Он выдавался Главным управлением РОКК с разрешения покровительницы общества, императрицы, лицам обоего пола *«а услуги, оказанные делу человеколюбия в период военных действий и во время общественных бедствий; за продолжительную военную деятельность РОККу в мирное время; за пожертвование не менее 5000 рублей»* (Чепурнов, 2000: 594). Знак имел форму щита с короной наверху; по краям щита была помещена надпись кириллицей: «Возлюбиши Близняго Твоего яко Сам себе».

9. Наградной знак Елизаветинской общины сестер милосердия Российского Общества Красного Креста (ок. 1900) предназначался для награждения лиц обоего пола *за денежные пожертвования и личные труды в помощь РОКК*.

Следует пояснить, что в конце XIX и начале XX вв. в России действовали всего 109 общин сестер милосердия, которые имели законное право подготовки сестринского медицинского персонала. Из них в ведении Общества Красного Креста до 1900 г. состояла 81 община, самой старой из которой была Свято-Троицкая. Около десятка имели свои наградные знаки отличия для ношения на груди. Наградной фирменный знак Елизаветинской общины сестер милосердия представляет наибольший интерес по значимости в истории Российского Общества Красного Креста, так как играл большую роль в привлечении частных средств.

Золотые и серебряные знаки в форме ромбика, венчавшегося вензелем имени св. Елизаветы Федоровны («Е») и императорской короной, выдавались за денежные пожертвования в качестве наград: мужчинам – на часовой цепочке, женщинам – на приколке, в виде брошки. Серебряные знаки вручались тем, «...кто внес одновременно в пользу комитета не менее 10 рублей, а также способствовал его деятельности личным трудом; золотые – тем, кто привлек 12 жертвователей не менее 10-рублевым взносом каждый» (Цит. по: Чепурнов, 2000: 595). Золотой знак можно было получить только один раз. Во время Первой мировой войны община св. Елизаветы при сборе средств для помощи раненым награждала подобными знаками, но уже несколько иного характера: за пожертвования до 25 рублей знак выдавался целиком серебряный; от 25 до 50 рублей – серебряный с золотым вензелем и от 50 рублей – полностью золотой знак 56-й пробы, с клеймом на ушке (Чепурнов, 2000: 595–596).

10. Медаль Флоренс Найтингейл – высшая международная награда, учрежденная Лигой Международного Красного Креста. Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что решение о присуждении этой медали Международный Комитет Красного Креста принимает по предложению национальных обществ Красного Креста. Медаль посвящена памяти замечательной англичанки Флоренс Найтингейл, отдавшей всю жизнь попечению о раненых и известной своей высокой духовностью и милосердием. Медаль предназначена за высокую гуманность и милосердие медицинским сестрам, а также женщинам, *«которые отличались в военное или мирное время своей храбростью и исключительной преданностью раненым, больным, калекам и лицам, чье здоровье было под угрозой»* (Цит. по: Чепурнов, 2000: 646).

Примечательно, что сама Флоренс имела непосредственное отношение к истории нашей страны. В годы Крымской войны она спасала жизни раненых английских солдат. После завершения войны, перед отъездом в Англию, на свои скромные сбережения она поставила в Крыму, на высокой горе над Балаклавой «большой крест из белого мрамора в память погибших солдат, врачей и медицинских сестер». Этой высокой международной награды были удостоены российские женщины и в Первую мировую войну, и в советский период. До 1991 г. ею были награждены 45 женщин бывшего СССР, первыми из которых были медсестры-фронтовички И.Н. Левченко и М.С. Шкарлетова (Чепурно, 2000: 646). Награждение этой медалью производится и поныне раз в два года 12 мая, в день рождения Ф. Найтингейл.

11. Знак отличия св. Ольги был учрежден осенью 1914 г. Этой наградой должны были жаловать *«исключительно лиц женского пола, во внимание к заслугам женщин на раз-*

личных поприщах государственного и общественного служения, а равно к подвигам и трудам их на пользу ближнего» (цит. по: Дуров, 1993: 152). Знак имел три степени. Для получения третьей степени необходим был стаж государственной службы не менее 10 лет, второй – не менее 20 лет, высшей – не менее 30 лет. Интервал между награждениями степенями предполагался не менее 5 лет. Особый пункт статута знака (ст. 8) предусматривал его вручение «матерям героев, оказавших подвиги, достойные увековечения в летописях Отечества» (Цит. по: Дуров, 1993: 152).

Именно этот пункт и позволил сделать первое и единственное награждение знаком отличия св. Ольги. Ввиду его исключительности, оно хорошо описано в фалеристической литературе⁸. В наградных списках, выданных Капитулом в 1916 г., эта награда называется «орденом святой Равноапостольной княгини Ольги 2-й степени» (на самом деле, речь идет не об ордене, а знаке отличия) и жалуется ею В.Н. Панаева. Приведем текст соответствующего рескрипта Николая II на имя военного министра Д.С. Шуваева: «...В нынешнюю войну наша армия явила нескончаемый ряд примеров высокой доблести, неустранимости и героических подвигов, как целых частей, так и отдельных лиц. Особое мое внимание привлекла героическая смерть трех братьев Панаевых, офицеров 12-го гусарского Ахтырского генерала Дениса Давыдова, ныне Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны полка – ротмистров Бориса и Льва и штаб-ротмистра Гурия, доблестно павших на поле брани.

Братья Панаевы, проникнутые глубоким сознанием святости данной им присяги, бесстрашно исполнили свой долг до конца и отдали жизнь за Царя и Родину. Все три брата награждены орденом св. Георгия 4-й степени, и их смерть в открытом бою является завидным уделом воинов, ставших грудью на защиту Меня и Отечества.

Такое правильное понимание своего долга братьями Панаевыми всецело отношу к их матери, воспитавшей своих сыновей в духе беззаветной любви и преданности Престолу и Родине. Сознание, что дети ее честно и мужественно исполнили свой долг, да наполнит гордостью материнское сердце и поможет ей стойко перенести ниспосланное свыше испытание.

Признавая за благо отметить заслуги передо Мною и Отечеством вдовы подполковника Веры Николаевны Панаевой, воспитавшей героев сыновей, жалую ее, в соответствии со статьей 8-й Статута знака отличия св. равноапостольной княгини Ольги, сим знаком 2-й степени и пожизненной ежегодной пенсией в 3000 рублей» (Цит. по: Кузнецов, 2001: 7).

Анализ описания женских наград Российской империи позволяет сделать вывод о том, что женщине как гражданке Российского государства отводилась совершенно определенная роль⁹. В женщине мужчины видели, прежде всего, *верную помощницу*, способную оказать им содействие в трудную минуту; неутомимую *социальную работницу* (в мирное время); самоотверженную *сестру милосердия* (в военное время); наконец, *мать-патриотку*, воспитавшую сыновей-героев, готовых отдать жизнь за веру, царя и отечество (тенденция, наметившаяся в начале XX в.). Участие женщин (включая жен императоров) было максимально ограничено либо вообще исключено из тех сфер государственной и общественной жизни, где принимались решения или предпринимались действия, ведущие к смерти, убийству, ранению людей, лишению и ограничению их свободы. И наоборот, поощрялось участие женщин в сферах и видах деятельности, способствующих сохранению, воспроизводству, расцвету человеческой жизни. Женщина как хранительница жизни: мать, сестра, воспитательница, жена, помощница – вот доминирующий ценностный образец, лежащий в основе наградной системы и практики награждений женщин в Российской империи.

⁸ Говоря об «исключительности», мы имеем в виду факт награждения, а не случай, когда в боях Первой мировой войны героически погибали несколько сыновей одной матери. В частности, Дуров описывает аналогичные случаи с тремя братьями Ставскими, шестью братьями Завистовскими (Дуров, 1993: 156).

⁹ См. места, выделенные курсивом.

Исходя из этой точки зрения, нельзя однозначно негативно оценивать неравенство прав мужчин и женщин, существовавшее в российском монархическом феодально-бюрократическом государстве и отразившееся в его наградной системе. Возможные обвинения династии Романовых в «дискриминации по половому признаку» и «мужском шовинизме» были бы, на наш взгляд, некорректными вследствие произвольного переноса ценностей и норм одной культурно-исторической эпохи в систему ценностей и норм другой. Блок женских наград внутри наградной системы Российской империи вполне соответствовал сложившемуся в России патриархальному традиционалистскому укладу жизни. Отсутствие в наградном праве царской России равенства полов и «дискриминация по полу» (а тем более «мужской шовинизм») – на самом деле не одно и то же.

Даже если признать, что элементы «дискриминации по полу» и «мужского шовинизма» в наградной системе царской России все же имели место, то для критики этих явлений едва ли найдутся достаточные моральные основания. Ведь в конечном счете такая критика всегда апеллирует к гуманности и уличает в преступлении против нее в форме жестокого обращения. Между тем трудно говорить о жестокости или негуманности применительно к женским наградам Российской империи. Скорее, наоборот, почти все они апеллируют к подлинному христианскому человеколюбию, верности, милосердию, доброте, долгу служения высоким идеалам, к деятельной помощи больным, убогим, раненым, бедным. Не будет преувеличением сказать, что женские награды царской России стимулировали в женщинах развитие высших нравственных добродетелей.

Правда, такая оценка не означает романтической идеализации Российской империи. Характерной чертой ее (как и всех тогдашних империй) были постоянные войны за новые территории, влияние и господство в мире, рынки сырья и сбыта. Женщину держали, по Домострою, в семье, оберегая от мужских кровавых баталий и грязных политических интриг, – но делалось это за счет ограничения ее гражданских прав и возможностей свободного самозащиты. Крах царизма и приход к власти большевиков – очевидные свидетельства глубокого кризиса российского государства и гражданского общества в начале XX в. Они оказались не способны адекватно и гибко реагировать на ускорение внутренних социальных изменений, в том числе – на рост гражданской активности женщин и влияния различных меньшинств на политические процессы в обществе.

Женские награды Советского Союза

В наградной системе Советской России и СССР женщины были уравнены в правах с мужчинами. *Де юре* то означало, что женщины могли претендовать на получение тех же наград, на которые могли претендовать и мужчины. Однако *де факто* традиционно существовали так называемые «мужские» и «женские» профессии и неравенство в возможностях получения тех или иных наград мужчинами и женщинами. Кроме того, мужчины занимали почти все высшие позиции в большинстве профессиональных сфер деятельности.

Как известно, среди генеральных секретарей ЦК КПСС, председателей Совета Министров СССР, крупных советских военачальников нет ни одной женщины, среди партийных, хозяйственных руководителей и офицеров среднего звена их число также невелико. Насильственные революционные преобразования в российском обществе привели к возникновению нового социального порядка. Однако традиционный российский уклад жизни, прежде всего монархические и патерналистские традиции, скоро начали возрождаться в новом, «социалистическом», облики. Ведь формально предоставляемая (законно-нормативная) возможность награждения не осуществлялась автоматически. Гораздо важнее был фактический доступ к высшим позициям в обществе – все решали чаще мужчины.

Правда, введение юридического равноправия привело к тому, что уже с конца 1917 года женщины начали осваивать низовые и средние уровни профессий, которые в Российской империи считались традиционно «мужскими». Это относилось прежде всего к военным специальностям. Мало того, декретами и постановлениями Советского правительства проводится принудительная мобилизация женщин-врачей и студенток меди-

цинских вузов (уклонение от которой наказывается вплоть до применения жестких мер через ВЧК и военные трибуналы), расширяется сам профиль участия женщин на фронтах гражданской войны: женщины уже не только сестры милосердия, но и пулеметчицы, связистки, политбойцы и т.д. Часть женщин идет в Красную Армию добровольно, немало женщин-коммунисток занимают высокие политические должности в дивизиях и армиях. Конечно, не следует забывать, что все население страны разделилось в годы гражданской войны на «красных» и «белых», и женщины проявили самоотверженность по обе стороны баррикад.

В 30–40-е годы, когда вся страна жила в ожидании войны и готовилась к ней, свыше 250 женщин оканчивают различные военные академии, значительно больше – военные училища, становясь кадровыми военными. Десятки тысяч женщин овладевают военными знаниями на фабриках и заводах по линии Осоавиахима; изучают стрелковое, бронетанковое, авиадело в различных кружках, клубах, школах. Как справедливо отмечает Ю.Н. Иванова, привлечение женщин в таких масштабах к военному обучению, в том числе и в специальных военных учебных, столь массового поступления женщин на профессиональную военную службу в истории России никогда не было (Иванова, 2002: 178)..

Наибольшее число женщин-военнослужащих приходится на период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: 800 тыс. Для сравнения: в Гражданской войне (1917–1922) участвовало св. 60 тыс. женщин, в Первой мировой (1914–1918) – св. 25 тыс., в Русско-японской (1904–1905) – св. 3 тыс., в Русско-турецкой (1877–1878) – св. 1,5 тыс., в Крымской – св. 200 женщин (Там же: 256).. «Ничего подобного русская армия не знала на протяжении всего своего существования. В это время было создано 3 специальных женских авиационных полка из летчиц, прошедших в основной своей массе предвоенную учебу в аэроклубах, Осоавиахиме, школах, кружках и т.п.» (Там же: 179).. Медицинскими сестрами служили исключительно женщины, они же составляли почти половину фронтовых врачей. Женщины сражались пулеметчицами, танкистами, снайперами, шоферами и т.д.; командовали расчетами, взводами, ротами, полками. Особенно велика доля участия советских женщин в партизанских отрядах. Не было той военной специальности, которой не овладели бы женщины во время Великой Отечественной войны, считает Ю.Н. Иванова¹⁰. За мужество, самоотверженность, героизм, проявленный на полях сражений, 150 тысяч женщин были награждены орденами и медалями.

На фоне такого торжества формального равенства полов, какое демонстрирует советская наградная система, выделяется Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. № 118/11 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усиление охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». Звание «Мать-героиня» стало, наряду со званиями Героя СССР и Героя Социалистического Труда, высшей степенью отличия в СССР¹¹. Культ героического, распространенный на понятия «мать» и «материнство», имел вполне понятное социально-демографическое объяснение. «Женский» блок, традиционно присутствующий в наградных системах многих стран, в СССР трансформировался в специально выделенный «материнский», чтобы стать инструментом политики в области рождаемости. Государству необходимо было восполнить людские потери, в основном мужские, понесенные в годы Великой Отечественной войны.

Звание «Мать-героиня» присваивалось женщинам, родившим и воспитавшим 10 и более детей. Присвоение звания производилось по достижении последним ребенком возраста 1 года и при наличии в живых остальных детей матери. Учитывались, кроме того, «дети, усыновленные матерью в установленном законом порядке; погибшие или пропав-

¹⁰ Свое мнение Иванова наглядно подкрепляет таблицей «Динамика роста количества воинских специальностей, освоенных женщинами (XIX–XX вв.)», где приводит шесть перечней с названиями «женских» специальностей, официально принятых во время шести указанных выше войн.

¹¹ Высшими степенями отличия были также звания «Город-Герой» и «Крепость-Герой».

шие без вести при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы либо при выполнении долга гражданина СССР по спасению человеческой жизни, по охране социалистической собственности и социалистического правопорядка, а также умершие вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных при указанных обстоятельствах, либо вследствие трудового увечья или профессионального заболевания» (Сборник, 1987: 35).

Несмотря на то, что звание было учреждено вместе с орденом еще в годы войны, большая часть наградений им приходится на мирное время¹². Официальное признание героизма матери, имеющей 10 и более детей, было и фактическим признанием крайне тяжелых условий для рождения и воспитания детей после Великой Отечественной войны до середины 70-х годов. Причем если в царское время поощрялось воспитание героя, то в советское – детопроизводство как таковое. В конце 70-х – начале 80-х годов число наградений стало расти как снежный ком, в основном за счет среднеазиатских союзных республик; ее престиж и ценность начали снижаться.

Близкими по социальной значимости были медаль Материнства двух степеней (соответственно, за 5 и 6 детей) и орден «Материнская Слава» трех степеней (соответственно, за 7, 8 и 9 детей). Большая часть наградений ими также приходится на мирное время¹³. Название ордена ставило его в ассоциативный ряд с военным орденом Славы (1943) трех степеней для награждения рядового и сержантского состава частей Красной (Советской) армии «за славные подвиги храбрости, мужества и бесстрашия». Позднее этот ряд получил смысловое логическое завершение с учреждением гражданского ордена Трудовой славы (1974) трех степеней для рабочих и мастеров народного хозяйства «за самоотверженный высокопроизводительный долготелный труд на одном предприятии, в учреждении, организации, колхозе или совхозе».

Смысловые связи, важные с социологической точки зрения, могут быть продолжены и тем обстоятельством, что учреждение звания «Мать-героиня» – третьей высшей степени отличия граждан СССР – приравнивало его обладательниц по общественному престижу к обладателям званий «Герой Советского Союза» и «Герой Социалистического Труда»¹⁴. На первый взгляд, придание знаку звания «Мать-героиня» орденового статуса (более высокого, чем статус медалей «Золотая Звезда» и золотая медаль «Серп и Молот») даже ставило награжденных женщин в некое привилегированное положение. Казалось бы, это было свидетельством более высокой социальной значимости дела рождения и воспитания большого количества детей, чем героизм в бою и труде. Однако при ближайшем рассмотрении все оказывается не так просто.

Дело в том, что статус высшей степени отличия «Мать-героиня» не предусматривал награждение женщин высшей наградой СССР – орденом Ленина, хотя матерям, удостоенным этого звания, также как Героям Советского Союза и Героям Социалистического Труда, вручалась грамота Президиума Верховного Совета СССР. К тому же по «Правилам ношения орденов и медалей СССР...» от 1980 г. знак ордена «Мать-героиня» должен был прикрепляться к одежде *левее* медали «Золотая Звезда» и золотой медали «Серп и Молот», если таковые имелись. Наконец, для женских наград СССР – и медалей, и орденов – не были законодательно предусмотрены ленты. Особые металлические колодочки

¹² Представление о хронологии награждений орденом «Мать-героиня» дают следующие данные: в 1944 г. были награждены 124 человека, в 1947 – 21547, в 1950 – 31692, в 1961 – 66126, в 1966 – 88136, в 1983 – св. 371000, в 1989 – 429609, к 1991 г. около 500000 (Шишков, Музалевский, 2000: 285, 289).

¹³ О награждениях орденом «Материнская Слава» имеются следующие данные: III степень – в 1944 г. 27 человек, в 1945 – 100348, к 1.01.1983 – 2786000; II степень – в 1944 г. 26 награждений, в 1945 – 10522, в 1946 – 74807, в 1977 – 1278973, к 1.01.1983 – 1508000; I степень – в 1944 г. – 21, в 1945 – 179, в 1980 – 687795, к 1.01.1983 – свыше 753000 награждений (Шишков, Музалевский, 2000: 279, 284).

¹⁴ Фалеронимы званий «Герой СССР» и «Герой социалистического труда» – медали в форме пятиконечной звезды.

в виде банта, покрытые белой, голубой или красной эмалью, лишь имитировали ленты. С такими колодочками женские награды СССР выглядели, конечно, эффектно, напоминая красивую брошь¹⁵. Однако отсутствие собственных лент означало и отсутствие лент на планках, используемых для повседневного ношения. «Орден «Мать-героиня», орден «Материнская Слава» 1, 2 и 3-й степени и «Медаль Материнства» лент на планках не имеют», – гласит пункт 6 «Правил ношения орденов и медалей СССР, орденских лент и лент медалей на планках и других знаков отличия» (1980) (Цит. по: Кузнецов, 2001: 478).

Таким образом, нет оснований считать, что придание знаку особого отличия звания «Мать-героиня» орденского статуса ставило награжденных в более привилегированное, по сравнению с героями труда и войны, положение. Такой вывод подтверждает и текстологический анализ преамбулы к «Общему положению об орденах, медалях и почетных званиях СССР» (Сборник, 1987: 9–10). В нем «прочитывается» политико-идеологическая система ценностей. Анализ преамбулы показывает, что высшее место в иерархическом порядке ценностей занимает трудовая деятельность, точнее говоря, «общественно полезный труд». Во втором месте – «защита социалистического Отечества», на третьем – «забота о воспитании подрастающего поколения». Порядок этот в тексте столь важного идеологического документа никак не мог быть произвольным.

В соответствии с духом марксистско-ленинского учения, безусловный приоритет принадлежит производству средств производства («бытие определяет сознание»). Социалистический способ производства требует, с одной стороны, прямой, военной защиты («революция ничего не стоит, если она не может себя защитить»), а с другой – косвенной, т. е. наличия основной производительной силы, определенным образом воспитанного человека («воспитатель сам должен быть воспитан»). Но без людских ресурсов ни производство, ни защита социалистического способа производства невозможны. Поэтому «производство самого человека» (К. Маркс) – его рождение и воспитание – замыкало триединство базисных ценностей общества.

Как бы то ни было, многодетность в СССР означала геройский подвиг, требующий от женщины самоотверженности, мобилизации всех жизненных сил. За это многодетная мать удостаивалась высшей степени отличия СССР, имела определенные экономические и социальные льготы, пользовалась почетом и уважением в обществе. На наш взгляд, нет оснований утверждать, что наградная система СССР как таковая дискриминировала женщин. То, чего женщины не имели в Российской империи – *права* служить и делать карьеру в государственных гражданских учреждениях, получать государственные гражданские и военные награды на равных с мужчинами основаниях, нести (хотя и в очень ограниченных рамках) воинскую службу в мирное и военное время, – все это они получили в обществе, строящем коммунизм. Что же касается доступа советских женщин к высшим позициям в профессиях и государстве, то по большей части эта проблема осталась нерешенной до сего дня. Впрочем, проблематика ее решения – особый предмет.

Дискурс о «женских» наградах в советский период перемещает нас в совершенно иное, качественно отличное от дореволюционного периода социокультурное измерение. На наш взгляд, власть зашла в деле женской эмансипации настолько «далеко», что юридическое и в значительной мере фактическое равноправие советских женщин и мужчин на фоне тотального огосударствления общественной жизни обернулось для женщин отстранением от семьи и домашнего очага, от воспитания собственных детей, от развлече-

¹⁵ Отметим, что в советской наградной системе было всего четыре типа колодочек: прямоугольные, треугольные, пятиугольные, женские в виде банта. С 1943 г., когда для всех наград СССР были введены ленты собственных цветов, более крупные по величине колодочки в форме неправильной пентаграммы вытеснили все остальные, кроме женских в виде банта. Прямоугольные колодочки с красной муаровой лентой сохранились только у медали «Серп и Молот» и золотой медали «Серп и Молот». Прямоугольная колодочка, хотя и в модифицированном виде, сохранилась также у медали «За отличие в воинской службе», однако у нее есть лента собственных цветов. Ленты к этим медалям, по «Правилам ношения...», также не носились отдельно от медалей.

ний. Вследствие фактически поощряемого подражания «мужскому» стилю поведения, советская женщина отчасти утратила то, что называется женственностью.

Многие советские женщины, как и многие мужчины, были искренне увлечены тем героическим порывом к светлому будущему, который стимулировала советская наградная система. В ней мы находим культ героического, продиктованный политико-идеологическими мотивами; одним из них было воспроизводство социального неравенства (Taylor P.A., 1987).. Описанию и анализу культа героического в советской наградной системе мы посвятили отдельное исследование (См. Малинкин А.Н., 2002). Здесь следует отметить лишь то, что «женские» награды СССР являются подсистемой советской наградной системы, где этот культ нашел явное выражение. Вместе с тем, их учреждение, как ни странно, означало формальную дискриминацию мужчин по половому признаку: нарушался принцип равноправия полов, так как мужчины не могли на равных с женщинами основаниях претендовать на их получение. Однако советские власти, благодаря которым женщина оказалась в своеобразном социокультурном тупике, были вынуждены апеллировать уже не к христианской любви, а к «идейности» женщин, т.е. к их гражданско-патриотической сознательности. Фактически же это было обращение к социобиологическому, или популяционному, уровню.

Вряд ли можно однозначно положительно оценить тот факт, что учредители высшей «женской» награды СССР видели в женщине не столько человечески-родовое, сколько специфически-половое начало. Тем более звание «Мать-героиня» обращается отнюдь не к высшим устремлениям индивидуального человеческого духа, присущим женщине так же как и мужчине (хотя, возможно, по-разному), а к общечеловеческим инстинктивным влечениям. Ясно, что последние, если их принять за ценностный образец-модель, усредняют, во-первых, всех людей в их родовой сущности, во-вторых, всех женщин в их половой природе. Сказать, что это и есть подлинный гуманизм, было бы, наверное, «политкорректно», но, с нашей точки зрения, означало бы профанацию самой идеи человека.

Заключение

В отличие от консервативной феодально-аристократической и государственно-бюрократизированной наградной системы Российской империи, наградная система СССР была более либеральной. Как это ни парадоксально звучит, она, по сути, была и более буржуазной и демократической. До 1944 г. в ней не было дискриминации по половому признаку, женщины на равных правах с мужчинами могли быть удостоены любой награды СССР. Например, среди Героев СССР – а их к августу 1990 г. было более 12800 человек – 93 женщины (24 из них удостоены этого звания за партизанскую деятельность (Шишков С.С., Музалевский М.В., 2000: 13)); позднее 6 женщин получили звание Героя Российской Федерации за участие в Великой Отечественной войне (Иванова Ю.Н., 2002: 254-255). Четыре женщины – полные кавалеры ордена Слава (Там же: 255). Между тем в Российской империи не было равенства полов в наградном праве, хотя отдельные исключения (по типу юридических казусов и особенно в Первую мировую войну) все же наблюдались. Так, по крайней мере, 10 женщин были удостоены Георгиевского («солдатского») креста, а одна из них (А.Т. Пальшина) – 4-й и 3-й его степени (Там же: 192).

Анализ целевого предназначения и символического смысла женских наград царской России позволяет сделать вывод о том, что в женщине видели в первую очередь *верную помощницу, социальную работницу* (в мирное время), самоотверженную *сестру милосердия* (в военное время) и *мать-патриотку*, воспитывающую сыновей-героев, готовых отдать жизнь за Веру, Царя и Отечество. Женщина и на публичном поприще рассматривалась как хранительница жизни: мать, сестра, воспитательница, жена, помощница – таков ценностный образец, лежащий в основе наградной системы и практики награждений в царской России.

Учреждение в СССР специальных женских наград, героизирующих материнство, было мерой, во многом вынужденной последствиями Великой Отечественной войны. Формально

оно нарушало принцип равноправия полов, потому что мужчины не могли получить награды за многолетнее отцовство. Однако введенная де-юре социальная дискриминация мужчин де-факто означала создание правовых рычагов и социально-моральных стимулов для более интенсивной эксплуатации детородной функции женского организма. На наш взгляд, учреждение специального женского наградного блока и «героизация» материнства едва ли содействовали освобождению советских женщин, тем не менее, реально (в том числе благодаря ощутимым льготам) повышая престиж многодетных матерей в обществе.

24 августа 1995 г. вышел закон об отмене Указа ПВС СССР от 8 июля 1944 г., и с этих пор в Российской Федерации, при сохранении введенного в советский период принципа равноправия полов, не существует каких-либо специальных «женских» наград. Сегодня государственная поддержка многодетных матерей сводится к незначительным пособиям¹⁶.

Сравнение двух наиболее развитых российских наградных систем по линии женских наград позволяет сделать любопытное наблюдение. Прогресс в равноправии полов, достигнутый в наградной системе СССР, обернулся регрессом в этическом пафосе ее специальных «женских» наград по сравнению с преобладающим этосом женских наград Российской империи. Очевидно, всегда имеет смысл спрашивать: если вообще существует такое явление, как «прогресс», и это хорошо, то для кого именно хорошо?

Литература

Бурков В.Г. Фалеристика. М.: РГУ, 2000.

Дуров В.А. Ордена России. М.: Воскресенье, 1993.

Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002

Кузнецов А.А. Энциклопедия русских наград. М.: ГОЛОС ПРЕСС, 2001.

Малинкин А.Н. Культ героического в наградах СССР. Исследование по социологии наградного дела // Отечественные записки. 2002. № 8. С. 340-352

Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. М.: Известия, 1987.

Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: РХГИ, 1999.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973

Челурнов Н.И. Наградные медали Государства Российского. М.: Русский мирь, 2000.

Шишков С.С., Музалевский М.В. Ордена и медали СССР. Справочник. Т. 2. Медали СССР. Владивосток: ВОРОН, 2000.

Taylor, P.A. (1987). The Celebration of Heroes under Communism: On Honors and the Reproduction of Inequality // *American Sociological Review*. Vol. 52. No. 2. 143-154.

¹⁶ Отметим, что за последние 10 лет естественная убыль населения РФ составила около 10 млн. человек.